

ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ

DOI: 10.31857/S023620070010929-8

КУЛЬТУРНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ: ВЫЗОВ ПАНДЕМИИ

Материалы обсуждения на совместном заседании научных семинаров «Время. Субъект. Сознание. Деятельность» и «Культурно-деятельностная психология» факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, 6 апреля 2020 года

Асмолов Александр Григорьевич (научный модератор) — доктор психологических наук, академик РАО, заведующий кафедрой психологии личности факультета психологии.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Российская федерация, 125009 Москва, ул. Моховая, д.11, стр. 9.

Электронный адрес: e-mail: agas@mail.ru

Иванников Вячеслав Андреевич (председатель семинара) — доктор психологических наук, академик РАО, профессор кафедры психологии личности факультета психологии.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Российская Федерация, 125009 Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9.

Электронный адрес: vaiv@mail.ru

Магомед-Эминов Мадрудин Шамсудинович (докладчик) — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологической помощи и ресоциализации факультета психологии.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Российская Федерация, 125009 Москва, ул. Б. Никитская, д. 2.

Электронный адрес: m_sh_m@mail.ru

Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович — доктор философских наук, академик РАН, научный руководитель Института философии РАН. Институт философии Российской академии наук. Российская Федерация, 109240 Москва, ул. Гончарная, д.12, стр.1. Электронный адрес: guseynovck@mail.ru

Донцов Александр Иванович — доктор психологических наук, академик РАО, профессор кафедры социальной психологии факультета психологии. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 125009 Москва, ул. Моховая, д.11, стр. 9. Электронная почта: a.dontsov@mail.ru

Братусь Борис Сергеевич — доктор психологических наук, член-корреспондент РАО, академик РАЕН, профессор кафедры общей психологии факультета психологии. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 125009 Москва, ул. Моховая, д.11, стр. 9. Электронная почта: kor-msu@mail.ru

Аннотация: Пандемия COVID-19 бросила вызов как конкретному человеку, обществу и всей человеческой цивилизации, так и наукам, изучающим человека. В дискуссии поднимается вопрос необходимости пересмотра понимания человека в психологии. Человек рассматривается в процессе перехода от «психологического», абстрактного индивида к реально существующему, конкретному, живому человеку в его телесной воплощенности (или в аспекте природного, биологического субъекта). Ставится вопрос целесообразности дополнения и расширения культурно-исторического понимания человека через призму его индивидуальной истории. Обсуждается представление о катастрофической, чрезвычайной ситуации не только в оптике общества и природы в целом или абстрактно-гипотетических конструктов, но и на уровне жизни отдельного человека. Рассматривается важность существования

человека в глобальной угрозе в научно-теоретическом плане, а не как традиционно понимаемой прикладной проблемы. Негативные трактовки экстремальной, чрезвычайной ситуации требуют концептуализации позитивности как источника преодоления, решения жизненных задач, роста развития, открытия нового. Кроме того, требует кардинального пересмотра понятие практики в психологии (Л.С. Выготский). Практику помощи необходимо рассмотреть не только как прикладную отрасль в психологии, а в фундаментальном, теоретическом ее значении, раскрывая психологическую помощь как практическую заботу. Авторы сходятся во мнении, что существование человека в условиях глобальной угрозы COVID-19, радикально меняет отношения человека и общества. В условиях пандемии социальные практики раскрыли конкретного человека в новом отношении к обществу, поставив общественную жизнь «на паузу» в целях сохранения жизни индивидуального человека. Феномен смерти, подвергавшийся в психологии теоретическому вытеснению, рассматривается теперь как часть человеческой жизни. Смысл жизни нужно соотносить со смыслом смерти, который позволяет раскрыть существование человека в полноте его жизни, бытия.

Ключевые слова: пандемия, культурно-деятельностная психология, экстремальная ситуация, конкретная психология человека, смысл жизни, смысл смерти, принцип заботы о себе и о другом.

Ссылка для цитирования: Культурно-деятельностная психология в экстремальной ситуации: вызов пандемии. Материалы обсуждения // Человек. 2020. Т. 31, № 4. С. 7–40. DOI: 10.31857/S023620070010929-8.

М.Ш. Магомед-Эминов. Сегодня мы проводим объединенное онлайн-заседание двух постоянно действующих семинаров факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова: «Время. Субъект. Сознание. Деятельность» и «Культурно-деятельностная психология».

Тема нашего заседания — «Культурно-деятельностная психология в экстремальной ситуации: вызов пандемии». Наша встреча необычна, она проходит в онлайн-режиме, соответствуя духу времени. В условиях самоизоляции мы работаем в форме свободного диалога в ограниченных технических возможностях, общаемся посредством цифровых средств, преодолевая технические трудности. Наша работа проходит в широкой виртуальной аудитории на платформе Webinar.

Понятие «культурно-деятельностная психология» объединяет в себе значение двух терминов: культурно-историческая психология и психологическая теория деятельности, как единая теория школы Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева и других выдающихся ученых, как ушедших из жизни, так и продолжающих свою

Культурно-деятельностная психология в экстремальной ситуации: вызов пандемии

**■■■■■■■■■■■
ЭКСТРЕ-
МАЛЬНАЯ
СИТУАЦИЯ
■■■■■■■■■■■**

творческую жизнедеятельность. Кому-то тема нашего обсуждения может показаться надуманной. Порой мы слышим о том, что культурно-деятельностная психология имеет лишь историческое значение, однако с этим я не могу согласиться.

Культурно-деятельностная психология в деятельностно-смысловом и экзистенциально-деятельностном подходах, начиная с конца 1980-х годов, работает с темой существования человека в экстремальной ситуации. Впервые эта проблема обсуждается в таком широком масштабе, чтобы в оптике культурно-деятельностной психологии отразить ситуацию глобального вызова пандемии COVID-19. Культурно-деятельностная психология — живая теория, практика, в которой две теории: Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева — взаимодействуют, находятся во внутреннем общении как полюса, создающие живое движение.

Свой доклад я построю (кроме информации, которую мы имеем в настоящей ситуации) на данных проекта НИР, тема которой «Психология человека в экстремальной ситуации» буквально перекликается с темой нашего обсуждения. Для реализации данного проекта на факультете психологии МГУ была создана проблемная лаборатория по изучению личности в экстремальной, стрессовой жизненной ситуации, которая затем была трансформирована в кафедру экстремальной психологии и психологической помощи, а в настоящее время является кафедрой психологической помощи и ресоциализации факультета психологии МГУ.

Культурно-деятельностная психология в экстремальной ситуации: вызов пандемии

Отправным моментом сегодняшнего обсуждения я выберу объявленную тему семинара, развернув ее следующим образом: современный человек точно так же, как психология, в том числе, культурно-деятельностная психология и другие науки (социально-гуманитарные и науки о жизни), его изучающие, проходит испытание пандемией в экстремальной ситуации, вызванной COVID-19.

Эта угроза радикально проблематизирует человеческое существование: перед каждым человеком, обществом и всей цивилизацией встают экзистенциальные вопросы о смысле жизни, бытия, смерти. И от того, как человек их решит, зависит не только его выживание, но и то, как может сложиться его дальнейшая жизнь. Поэтому, отвечая на текущие вызовы, важно действовать с учетом дальних перспектив и последствий своих действий.

В этой ситуации человек и наука, его изучающая, находящиеся обычно в параллельных мирах, обретают тесную связь для ответа

на вызовы пандемии. Эта связь может проявляться в деятельном соучастии, синергичной работе, в которой судьбы научной системы и конкретного человека соединяются в общности Судьбы. Более того — в общности планетарного масштаба, как солидарного единения отдельного человека с будущностью человечества.

Проблема человека в экстремальном событии пандемии COVID-19 необъятна и имеет много аспектов рассмотрения: природных, медицинских, социальных, психологических, экономических, политических, правовых, культурных, религиозных, этнических, экзистенциальных, духовных и других, реализуемых в социокультурных практиках. Пандемия COVID-19, выступающая предметом научного рассмотрения и дискурсивной практики, является человеческим событием, в котором каждый конкретный человек осуществляет множество перечисленных аспектов как многообразие собственных жизненных отношений – природных и социальных. Он реализует их в многообразии собственных деятельностей в ситуации предельной угрозы, в которой радикально проблематизируются центральные понятия: личность, субъект, самость, Я, самоидентичность, которые центрируют, интегрируют множество воплощений, ипостасей конкретного человека в целостность.

Множество воплощений конкретного человека

В экстремальности, в предельном бытии, на границе, на стыках и перепадах реальностей субъект, объективирующий бытие, время и мир, но остающийся в своей тотальности вне объективации, радикально трансформируется, распадаясь на множество фрагментированных идентичностей — жизненных фактичностей человека. Онтологический, экзистенциальный разрыв, возникший в существе субъекта, вызывает к онтологическому синтезу.

В условиях пандемии возникает ряд методологических моментов, заостряющих старые проблемы, вызванные множеством неожиданных ситуаций для человека в критическом положении. Один из них связан с самозамкнутостью субъекта в схеме «субъект–объект», объективирующего бытие, время и себя самого как объекта, остающегося вне объективации. Однако в экстремальности, в предельном бытии, на границе, на стыках и перепадах реальностей он обнаруживает раскол в своем существе, переходящий в дубликацию: и жить, и понимать, как живешь, чтобы ответить на насущные вопросы «как жить?» и «как быть?» в суровых требованиях реальности. Дубликация, однако, открывается в более широком плане — мультипликации (по принципу Протея), в соответствии

Культурно-деятельностная психология в экстремальной ситуации: вызов пандемии

■■■■■■■■■■ ЭКСТРЕ- МАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ ■■■■■■■■■■

с новыми реалиями критического события. Человек, живущий в событии, может изучать его в разных ракурсах как теоретик (забегая вперед, отмечу: мыслящий, исходя из вопроса «что?»), из принципа познания) и как практик (действующий из инстанции вопроса «как?» и принципа заботы, помощи, преобразования).

Другой момент, требующий онтологического ответа человека, обусловлен исчезновением дифференциации и territorизации экстремальной ситуации при чрезвычайным событии. В пандемии COVID-19 эта дифференциация исчезает напрочь, и каждый индивид оказывается в новой мультипликации идентичности, которая теперь проявляется транзитностью, переменной идентичности, ролей, функций, позиций агенса и пациенса.

Экстремальность детерриторизируется. Весь мир превращается в экстремальную ситуацию, в которой отдельный человек выступает как многоликий Протей, воплощаясь в разных идентичностях, образах: как пострадавший и как спасатель, как наблюдатель, как агенс и пациенс, как вирусолог, иммунолог, эксперт, консультант, как шоумен, носитель инфодемии, как гражданин-потребитель и т.д.

Так возникает фундаментальная методологическая проблема онтологического синтеза, связывания многообразия воплощений в существо конкретного, индивидуального человека. Она бросает вызов и принципу субъекта, и деконструкции субъекта. Синтез, работа связывания, игнорируется и в классической, и в неклассической науке: в одном случае реальный синтез скрыт за научным анализом, который его считывает, а в другом случае — за различиями, разнообразием, которые сами производятся и собираются в ансамбли, сборки, сети, ассамбляжи, дискурсивные формации, тексты, нарративы, культурные практики и др.

Вопросы: «Что?» и «Как?»

Так как научная психология, которая проходит испытание вместе с человеком, должна и выдержать его, и содействовать решению актуальных жизненных задач человека, целесообразно посмотреть на эту многомерную проблему в оптике двух связанных вопросов.

Первый вопрос — «Что?» касается понимания и объяснения сути происходящего в окружающей человека критической реальности, разработки теоретических моделей поведения, их проверка и внедрение в практику формулировки возможных прогнозов поведения и принимаемых решений. Этот вопрос ставится в рамках принципа познания.

Второй вопрос — «Как?». Как успешно справиться и действовать в кризисе и эффективно работать над собой? Этот нетрадиционный для академической психологии вопрос касается способности психологии оказывать помощь — обеспечить человека необходимыми в экстремальной ситуации знаниями, инструментами и практиками работы над собой и над другим. Так как событие пандемии разворачивается темпорально, то два вопроса на понимание могут получать ответ из разных темпоральных модусов события, скажем, из «горячего» или из «холодного» дискурса.

Практическое здесь понимается как осуществление практики жизни, а не проведение психотерапии. Два вопроса приводят в диалектическую связь предметность и событийность понимания, а также принцип познания и принцип заботы, отражение и действие.

Темпорально-историческая позиция человека в бытии и в познании

О пандемическом событии, которое темпорально разворачивается, можно говорить в различных формах историчности. В событии COVID-19 мы выделяем следующие этапы событийности: препандемия; пандемия (начало, разворачивание, завершение); постпандемия. Разные этапы могут возобновляться в связи с возвратной волновой динамикой. Им соответствуют три формы травматического стресса: претравматический стресс, перитравматический стресс, посттравматический стресс. В самоизоляции наша событийность является пери-событийностью: мы пребываем в гуще самого события, которое свершается, строится в динамике. Поэтому наш дискурс, который является горячим дискурсом о пери-историческом событии, необходимо отличить от постисторического научного дискурса, свершающегося, когда в сумерках прилетает, как говорил Гегель, Сова Минервы. Когда событие свершилось, оно обретает свою завершённую историчность, форму опыта, о котором можно составить более твердые дискурсы, нарративы, истории, интерпретацию.

В терминах травматического стресса мы можем выделить три формы: 1) претравматический стресс; 2) перитравматический стресс; 3) посттравматический стресс. От того, что люди делают сейчас, зависят дальнейшие действия, позитивные и негативные, и прошлое — каким оно станет, и будущее — с чем мы столкнемся. В пери-историческом событии жизнь каждого человека имеет свою динамику, индивидуальную динамическую специфику. Позиция, исходя из которой человек действует и понимает, влияет

Культурно-деятельностная психология в экстремальной ситуации: вызов пандемии

на то, как складывается будущее: в частности, последует ли посттравматический рост или посттравматическое расстройство.

Вызов феномена экстремальности современной психологии и социально-гуманитарным наукам

Экстремальная ситуация человека в пандемии COVID-19 предъявляет фундаментальный вызов психологии и другим наукам. Дело в том, что современная психология, в том числе, культурно-деятельностная психология и другие социально-гуманитарные науки, подвергают теоретическому вытеснению понимание смерти, как естественной части жизни конкретного человека. Соответственно, неповседневная ситуация, в которой смерть открывается человеку как возможность конца жизни, остается вне фундаментально-теоретического освоения. В лучшем случае экстремальность — неповседневное существование человека, относят к прикладной сфере науки так же, как феномен помощи и заботы. Эта теоретическая линия реализуется в двух традиционных подходах к понятию экстремальности.

В первом подходе экстремальность определяется чрезвычайными ситуациями, объясняемыми закономерностями природы и общества, то есть, как антропогенных и социогенных. Второй подход рассматривает экстремальность на основе абстрактно-психологических, гипотетических конструктов переживания стресса, травмы, кризиса, тревоги, неопределенности, утраты, которые выражаются в нормальных критических переживаниях или аномальных реакциях, расстройствах — тревожных, посттравматических и других.

Мы предлагаем человекомерный подход к экстремальности, исходя из оптики конкретной психологии живого, конкретного человека. Экстремальность необходимо отнести не только к антропогенной и социогенной ситуации, а к индивидуальной жизни, индивидуальному бытию человека, в процессах которого экстремальные события происходят перманентно, потрясая жизнь человека и требуя от него стойкости, мужества, преодоления трудностей и духовного роста.

Экстремальность, которая трактуется как срыв, сбой, ошибка в повседневной деятельности человека; нечто случайное, что можно было избежать, но оно случилось по недоразумению; как отклонение от природных и социальных процессов, как нечто чрезвычайное в существовании самой природы и самого общества, мы понимаем как естественную часть человеческой жизни, конечной по существу. При такой трактовке осуществляется

переход от ведомственно-прикладной психологии чрезвычайных ситуаций, медицинско-ориентированной парадигмы расстройства и узко психологической трактовки когнитивно-поведенческих, эмоциональных нарушений к деятельностно-экзистенциальному пониманию экстремальности, из онтологии конкретного человека в переходах повседневного и неповседневного способов существования. Существование конкретного человека, таким образом, необходимо рассматривать соотносительно повседневного и неповседневного модусов существования (неповседневного — соотносительно D-смысла, смысла смерти и повседневного — соотносительно L-смысла, смысла жизни).

Феномен смерти, теоретически вытесняемый психологией, рассматривается в этом случае как часть жизни, а смысловые образования, соответственно, трактуются соотносительно L-смыслов и D-смыслов. Осуществление индивидуального бытия рассматривается тогда не в горизонте отдельно взятого бытия-к-смерти, о чем напомнил господин А.Г. Дугин в связи с ситуацией социального дистанцирования в условиях COVID-19. Бытие-к-смерти мы рассматриваем не в логике экзистенциализма, а релятивно: соотносительно бытия-к-жизни и в диалектике L-и D-смыслов.

При такой трактовке осуществляется переход от медицинско-ориентированной парадигмы расстройства и узко психологической трактовки когнитивно-поведенческих, эмоциональных нарушений к пониманию экстремальности как неповседневного существования человека, из онтологии жизни конкретного человека во взаимодействии повседневного и неповседневного.

Экстремальная ситуация — это необычная ситуация, в которой существование человека выходит за пределы обыденности в новую реальность с высокой угрозой здоровью, психологическому благополучию и жизни человека, его окружению — характеризуется вторжением небытия в бытие, смерти в жизнь. В этой ситуации жизнь человека отличается от прежнего существования и осуществляется в условиях обеспечения онтологической безопасности. В то же самое время экстремальная ситуация является ситуацией испытания, требующей от личности стойкости и мужества, ответственности и солидарности.

При этом экстремальность раскрывается не только негативно, но и с оборотной, позитивной стороны. Трактую экстремальность в диалектике позитивного и негативного модусов как ситуацию испытания человека, мы выделяем три экзистенциальные позиции: 1) страдания и расстройства, 2) стойкости и мужества, 3) роста и трансгрессии. Они раскрываются в решении задач на смысл, на жизнь, на бытие в повседневной и неповседневной реальности.

Культурно-деятельностная психология в экстремальной ситуации: вызов пандемии

■■■■■■■■■■
**ЭКСТРЕ-
 МАЛЬНАЯ
 СИТУАЦИЯ**
 ■■■■■■■■■■

Задача на смысл определяется в диалектике смысла жизни и смысла смерти, то есть в соотношении L-смыслов и D-смыслов.

В конкретном плане она характеризуется высокой ценой риска, неопределенностью происходящего, непрогнозируемостью последствий, неизвестностью, когда она завершится, и что от нее ждать в будущем, изменчивостью, противоречивостью требований и оценок происходящего, ценностными противоречиями, смысловыми конфликтами. Отмечается несовпадение характера реальности и требований нависшей угрозы, реальность которой человеком нередко отклоняется, порой воспринимается как надуманная или не имеющая к нему непосредственного отношения. Думая, что это не может происходить с ним, когда случается беда, он ропщет на судьбу и в сердцах задается вопросом: «Почему это произошло именно со мной?».

С другой стороны, под психологическим ударом в развивающейся ситуации оказываются фундаментальная вера в собственную неуязвимость и символическое переживание бессмертия, вера в стабильность и неизменность мира, в его высокую прогнозируемость, приходит осознание ограниченности человеческих возможностей.

В этой критической ситуации перед каждым человеком встает фундаментальная экзистенциальная задача, требующая трансформации личности, ее ресоциализации — пересмотра ценностно-смысловых отношений к миру и изменения образа жизни. Чтобы справиться с этим злом, имеет значение понимание не только того, ЧТО происходит, но и того, КАК с этим справиться.

Мультипсихические реакции COVID-19

Экстремальная угроза, глобальный кризис определяются не отдельно взятым вызовом пандемии, а взаимодействием вызова и ответа человека и общества на этот вызов. Но ответ человека может быть чрезмерным (избыточным) или недостаточным (дефицитарным), как и иммунные реакции. Поэтому на ответ, который человек дает на вызов, может последовать новый вызов как следствие недостаточности или избыточности первого ответа.

Мультипсихические реакции в экстремальной ситуации на угрозу можно разделить на три основных направления: 1) катастрофизация — шок, паника, аффективно-агрессивные реакции, реакция испуга, гиперактивация, ковидофобия; 2) негация — отрицание, игнорирование, дезавуирование, редукция самосохранения, протест и конфронтация, гипоактивация и ковидофилия; 3) оптимизация мобилизации, адаптации, жизнедеятельности. Две крайние

тенденции могут выражаться в социально-психологической форме «ковидиотии» (Urban Dictionary): 1) неверие, «пофигизм», «на авось», 2) паникерство, алармизм, и в социально-политической форме — конспирология, ковид-диссидентство.

Необходимо учитывать, что в ситуации пандемии каждый человек, независимо от того, переболел он или нет, страдает от перитравматического стресса, который может перерасти в различные психологические нарушения: тревожные расстройства, ПТСР, расстройства адаптации и утраты. При этом тяжесть воздействия психологического дистресса на человека превосходит тяжесть физических последствий заболевания COVID-19, хотя это сравнение является достаточно условным.

Конкретный человек и общество

В современной психологии и гуманитарных дисциплинах конкретный человек во множестве своих воплощений (природном, социальном, психологическом, духовном) нивелируется подобно логической единичности и дурной бесконечности. Пандемия COVID-19 нанесла мощный удар по миру глобализации, нивелировавшему человеческую индивидуальность, поставив в новые отношения конкретного человека и общество (в диалектике глобального и локального).

Один житель китайской провинции, съев то ли панголина, укушенного летучей мышью, то ли летучую мышь, укушенную панголином, заразился новым вирусом SARS-CoV-2, заболел COVID-19, заразив по транзитным сетям человеческой мобильности и виртуальной коммуникации, сопровождаемой волной инфодемии, весь мир, создав планетарное событие, отправившее почти каждого гражданина в самоизоляцию и поставившее общественную жизнь, в том числе экономическую, политическую на локдаун — паузу.

Последний человек не исчез, а обернулся первочеловеком — жертвой и виновником, творцом и носителем COVID-19. Он же открывается не только в начале пандемии, но и в ее развитии и в конце. Только с последним человеком, который освободится от COVID-19, прекратится эпидемия. И основной способ прекратить распространение (назовем его «контр-пандемия COVID-19 практика») — это наложение определенных ограничений на жизнедеятельность (на общественную, природную жизнь и поведение человека) посредством социального дистанцирования для разрыва цепи передачи инфекции от одного человека к другому.

Культурно-деятельностная психология в экстремальной ситуации: вызов пандемии

■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■
**ЭКСТРЕ-
МАЛЬНАЯ
СИТУАЦИЯ**
■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■

Между тем практика социального дистанцирования и самоизоляции может заработать только тогда, когда будет выражаться в автономном поведении каждого индивида. Социальная практика — социальное дистанцирование, самоизоляция, гигиеническая практика, менеджмент болезни, управление рисковыми последствиями своего карантина — может быть осуществлена только посредством ответственного, сознательного поведения человека, которое требует, на наш взгляд, определенной работы над собой, проявляющейся одновременно в заботе о себе и о другом, и осуществляющейся в индивидуальном поведении регулятивного обобщения.

В целях борьбы с этим неизвестным вирусом при отсутствии специфического лекарства или вакцины и необходимости временного сдвига, проблема здоровья и благополучия становится задачей человека, который должен соблюдать самоизоляцию и социальное дистанцирование. Лекарством является ответственное поведение. Поэтому традиционный карантин обозначен как самоизоляция: я сам себя изолирую и т.д. Общество призывает к персональной ответственности, и отношения между конкретным человеком и обществом выстраиваются диалектически: индивидуальный человек осуществляет или не осуществляет автономно социальные запросы, нормативы и регуляторы.

Вызов феномену «само»

Все определения человека — личности, субъекта, Я, самости, исходным пунктом имеют феномен «само»: сам человек что-то делает или не делает. Феномен «само», который пребывает в психологии в теоретической пустоте, прояснился в социальном дистанцировании в двух планах: в реализации глобального, общественного в автономном, индивидуальном поведении и работе над собой, в практике себя.

Самоизоляция как особая форма социального дистанцирования еще более заостряет проблему феномена «само», которая раскрывается в своей двунаправленности: маску я надеваю как для себя, так и для другого, обезопасить себя и обезопасить другого от себя. Она открывается также в двойном отношении: в общении и отношении с собой и с другим и в двойном обращении: в работе над собой и работы над другим (другим Я и Я другого), заботы о себе и о другом, в смысле для себя и смысле для другого. Понятие заботы в этом случае, в отличие от понимания М. Хайдеггера и М. Фуко, трактуется эквивокально.

Феномен самоизоляции раскрывает практику над собой соотносительно практике Я (аутопрактики, аутопоэзиса) и практике другого (альтропрактике, альтропоэзиса). Я сам себя изолирую, отправляю сам себя домой. Конечно, есть соответствующий указ, но и я сам себя дома удерживаю, провожу работу над собой, для того чтобы заниматься собой, чтобы найти творческие моменты преодоления и новые горизонты, продолжать общаться, не сходиться с ума, не поддаваться панике. Вот этот феномен, который всегда воспринимается как нечто очевидное, в нашей ситуации становится центральным явлением, потому что мы должны в этой ситуации действовать сознательно, ответственно.

Акцент здесь ставится на том, что мой ответственный, сознательный поступок есть самостоятельный, исключаящий себя из бытия другого. Я работаю над собой, чтобы оградить себя от опасности другого, в то же время, чтобы спасти другого от, возможно, опасного меня. Вот это предельные точки онтологической безопасности.

Жизнь как безусловная ценность : вызов самосохранению

Пирамида А. Маслоу в пандемической ситуации переворачивается. Самосохранение, которое является низшей потребностью, становится высшей. Ценность жизни отдельного человека становится безусловной высшей ценностью. Самосохранение касается не только физического, но и социального, духовного индивида и т.д. Таким образом, самосохранение человека, феномен «само» раскрывается в сохранении жизни как целого, в продолжении бытия и человека. Однако самосохранение, как забота о жизни, забота о себе, в практике самоизоляции получает двойное определение: как забота о себе и забота о другом.

Психология в поисках высшей специфической человеческой психики или человеческих способностей, отличных от психики животных, определила сущность личности в сверхчувственных социальных качествах, совершив двойную редукцию. Во-первых, она лишила социальную персонализацию тела и телесной воплощенности человека и человеческой психики, хотя тело человека является не животным телом, а телом человеческим.

На глобальный вызов пандемии COVID-19 человечество дало не менее глобальный ответ, отправив в локдаун ради ценности человеческой жизни всю общественную жизнь. Сохранение безусловной ценности жизни переворачивает место самосохранения и феномена человеческого «само»: сам человек отправляет (или

Культурно-деятельностная психология в экстремальной ситуации: вызов пандемии

■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■
**ЭКСТРЕ-
 МАЛЬНАЯ
 СИТУАЦИЯ**
 ■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■

должен отправить, осознав необходимость) себя в изоляцию для продолжения жизни — жить и быть.

Тем не менее пандемия грозно напоминает человеку о бренности, конечности, смертности, выразив угрозу именно его телесной воплощенности. Общество на этот смертоносный вызов дало не менее глобальный ответ, отправив каждого отдельного человека в социальное дистанцирование и самоизоляцию, а социальную жизнь, даже ценой экономической катастрофы — в локдаун. И этот человекоориентированный ответ общества в лице властных структур был солидарно осуществлен общественным здравоохранением и властями по всему миру, что крайне важно, ради безусловной ценности отдельной человеческой жизни.

Подтверждение безусловной ценности единичной человеческой жизни переворачивает ценностное отношение к единственному событию жизни человека от идеи биополитики М. Фуко до идеи «голой жизни» Дж. Агамбена. Заботу о телесно воплощенном человеке, как основу экзистенциальной заботы, нельзя отождествлять с выбором «голой жизни» или выбором физического здоровья, отказываясь от свободы и прав. Мотивация самосохранения, сохранения «само» касается всех ипостасей человека, который раскрывается в целостности жизни — сохранении и природного индивида, и социального, культурного. Биологический вызов науке бросается из социальной практики и общества, выводя из недр социальной редукции отдельного телесного человека.

Этот ответ, исходя из заботы о телесном воплощении человека, напомнил о второй редукции субъекта общественных отношений к частной социальной персонификации, социокультурной матрице, сколку культуры. Человек индивидуальный оказался необычной единичностью, которая одушевляет телесность, воплощает индивидуальность — «само» человека не может быть всецело определено социальным взаимодействием. Социальная практика общественного человека осуществляется в индивидуальном поведении конкретного человека.

Вызов принципу историзма

Принцип историзма Маркса в определении высших специфических человеческих психических функций и способностей для преодоления социологического и культурологического редукционизма утверждает, что конкретный ансамбль общественных отношений, которые составляют сущность человека, действительного индивида, осуществляется в деятельности индивида, которая и выступает субстанцией личности, субъекта, Я.

Однако мы в экстремальной ситуации обнаружили, что жизнедеятельность человека раздваивается: человек, осуществляя жизнедеятельность, тем или иным образом обращается, работает над ней, работая над собой, осуществляя практику себя. Это требует радикального пересмотра понятия деятельности, в том числе, в культурно-деятельностной психологии, который мы осуществляем на основе нового прочтения принципа историзма в оптике философии практики К. Маркса, конструктивного принципа Л.С. Выготского, задач практического существования по Ф. Ницше, С. Кьеркегору, З. Фрейду, феномена заботы М. Хайдеггера и М. Фуко и др.

Отталкиваясь от идеи К. Маркса о том, что человек, в отличие от животных, делает свою жизнедеятельность собственным предметом, мы формулируем следующее важное положение. Индивид в своей жизнедеятельности (существовании, бытии) обращается со своей жизнедеятельностью, существованием, бытием в собственной индивидуальной практике, в которой осуществляет свою единственную историю темпорально протяженной жизни в событии с другими в ходе формирования самоидентичности, осуществления поступков, решения задач на смысл, на жизнь, на бытие.

Далее, знаменитое положение о сущности человека дополняется практикой себя в процессах осуществления отношений, в деятельности. Мы здесь совершаем радикальный пересмотр понятия практики, раздваивая понятие деятельности в культурно-деятельностной психологии. Практика, или праксис, дифференцируется на предметную деятельность, то есть практику в традиционном смысле (в том числе, активность субъекта), и на событийно-трактуемую практику над собой (работу личности над собой, работу субъекта над собой, работу Я над собой, работу самости над собой).

Практика работы над собой не отождествляется с жизнедеятельностью, деятельностью или активностью субъекта над собой как объектом. Практика человека над собой осуществляется как практика между одним Я и другим Я. Она происходит в жизни, в бытии, в драмах завязывания, связывания и развязывания отношений. Конкретный ансамбль, сборка отношений связывается в единство, удерживая различия. В этом случае практика над собой раскрывается как процесс, в котором человек продолжает быть собой, становясь иным, другим. Практика над собой выступает как феномен «то же самое иное» в процессах «и неслиянно, и нераздельно». Что важно: практика над собой, работа над собой опосредствуют предметную деятельность субъекта — и внутреннюю деятельность, и внешнюю деятельность.

Практику над собой нельзя отождествлять ни с внутренней деятельностью, ни с внутренним общением с собой. И общение, и

Культурно-деятельностная психология в экстремальной ситуации: вызов пандемии

■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■
**ЭКСТРЕ-
 МАЛЬНАЯ
 СИТУАЦИЯ**
 ■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■

деятельность реализуются в практике над собой в жизни, в бытии в диалектике автопрактики и альтропрактики, автозаботы и альтрозаботы, автопоэзиса и альтропоэзиса, то есть в бытии между одним Я и другим Я. Индивидуальный конкретный человек определяется в конкретном многообразии, ансамбле общественных отношений, реализуемых в многообразных деятельности (А.Н. Леонтьев), опосредствованных практикой человека над самим собой (как над другим) во взаимодействии с другими индивидами. В практике над собой происходит культурное опосредствование и деятельности, и общения.

Таким образом, и интериоризация, и социализация, и адаптация, и конструирование, и деконструкция, и присвоение общественно-исторического опыта, социальных практик, дискурсивных практик, нарративов, культурных практик, развития, трансформации опосредствованы работой, практикой человека над собой как над другим. И практика над собой осуществляется не внутри, не в самосознании, а в завязывании узлов отношений в драмах жизни, бытия, в решении задач на смысл, на жизнь, на бытие, происходящих в соотношении одного Я и другого Я.

Диалектика принципа познания и принципа заботы

Между двумя вопросами: «Что?» и «Как?», касающимися теоретического понимания и практического понимания, то есть принципа познания и принципа заботы, существует эпистемологический разрыв, за которым открывается экзистенциальный разрыв. В контексте этих двух вопросов формируется вызов и академической психологии, и практической психологии, между которыми существует известный раскол, схизис. Академическая психология и практическая психология, которые находятся в схизисе, не отвечают на этот вызов. Для академической психологии в своей теоретической части практическая психология и экстремальная психология являются прикладными сферами, а для них, в свою очередь — теоретическая психология является абстракцией, параллельной реальностью.

Для приведения в гетерогенную связь двух этих пониманий, мы и следуем идее философии практики К. Маркса, в которой практика вписывается в теорию, открывающуюся, в свою очередь, как определенные формы социальной практики, приводя во внутреннюю связь два принципа: принцип познания и принцип заботы. На этом пути необходимо, на наш взгляд, дополнить академическую психологию, принцип познания принципом заботы, помощи.

А практическую психологию раскрыть в единстве познания и заботы, раскрывая психологическую помощь как осуществление практики заботы.

Объяснительная, понимающая психология, психология переживания открываются в горизонте помогающей психологии, психологии заботы. Эти методологические дополнения и соотнесения двух принципов мы даем на основе нового прочтения философии практики К. Маркса, принципа историзма, позволяющего привести во внутреннюю связь работу объяснения и работу изменения, принцип познания и принцип заботы.

Человек между индивидуальным и универсальным

В практике работы над собственной жизнедеятельностью, деятельностью и существованием (теоретическим и практическим) человек не только осуществляет предметную деятельность и объективацию, опредмечивание, преобразование мира и распрепредмечивание, но и осуществляет свое единичное событие жизни, событие бытия в сингулярной культурно-исторической практике. В этой культурно-исторической практике над собой человек нечто в себе утверждает, принимает и нечто в себе отрицает, от чего-то отказывается. В этом пункте индивидуальная, автономная культурно-историческая практика человека приобретает аксиологическое, нравственное значение. Человек не только должен присваивать блага, но и устранять из своей личности все духовно и жизненно токсичное — то, что создает неблагополучие не только для себя, но и для другого.

В этой практике человек осуществляет (или не осуществляет) индивидуальный ответственный поступок, поведение, утверждая культурные универсалии, универсальные ценности, интересы и благо. Этот последний тезис, который наиболее выпукло открывается в социальном дистанцировании и самоизоляции в пандемическом событии бытия, и является предметом нашего обсуждения.

Пересмотр смысла

Экстремальную ситуацию мы трактуем, отталкиваясь от деятельностно-смыслового и экзистенциально-деятельностного подходов. Для них основополагающим является феномен смысла и смысловой работы, в которой смысл производится (и разрушается, и утрачивается). Важным является следующий момент: смысл определяется не унивокально, как у Франкла, — из ответа на вопрос

Культурно-деятельностная психология в экстремальной ситуации: вызов пандемии

■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■
**ЭКСТРЕ-
 МАЛЬНАЯ
 СИТУАЦИЯ**
 ■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■

«Что?», а эквивокально — из соотнесения двух вопросов «Что?» и «Как?», то есть смысл как значение и смысл как действие. Таким образом, мы различаем смысл предметный и смысл событийный, то есть смысл, определяемый значением — осознанием жизненных отношений в деятельности, и смысл, определяемый событийно — из способа осуществления события жизни, в которой деятельность и реализуется.

В экстремальной ситуации становится очевидным, что предметная деятельность, в которой конституируется смысл (предметно — на основе значения), определяется в событии жизни человека в процессах осуществления собственной жизни, в решении задачи на смысл. Следовательно, смысл, определяемый из инстанции мотивации «почему» и мотивации «ради чего», уточняется из инстанции «как». Смысл «ради чего» в экстремальной ситуации определяется из инстанции «как», то есть из того способа существования, способа жизни, который человек осуществляет в своем критическом бытии. Так, например, мера осознания и принятия глобальной угрозы пандемии COVID-19 как собственной проприативной реальности и способа существования и определяет смысл действия, поведения в самоизоляции — сидеть дома или выходить на улицу.

Отмечу еще несколько аспектов трансформации феномена смысла: 1) темпоральная трансформация смысла: смысл необходимо определить темпорально, на основе соотнесения предшествующего смысла (пре-смысла) и последующего смысла (пост-смысла) в происходящей в настоящий момент смысловой работе. 2) коммуникативная трансформация смысла: смысл необходимо определять не только из моей позиции, но и из позиции другого — эквивокально, диалогично, как соотнесение смысла-для-меня и смысла-для-другого. Смысл маски на моем лице — это не только смысл-для-меня, но и смысл-для-другого. 3) смысл необходимо определить еще в одной фундаментальной релятивности: смысл жизни, который охватывает жизнь как целое, раскрывается из соотнесения смысла жизни (L-смысла) и смысла смерти (D-смысла). В экстремальной ситуации становится очевидным, что предметная деятельность, в которой конституируется смысл (предметно — на основе значения), определяется в событии жизни человека в процессах осуществления собственной жизни, в решении задачи на смысл. Это неминуемо переводит вопрос смысла в проблему смысла смысла: чтобы понять «ради чего», необходимо провести работу укоренения в определенном способ бытия.

Невосприятие предельной угрозы — широко распространенный феномен пандемии COVID-19. Человек, который не принимал всерьез коронавируса, оказавшись на грани смерти в красной

зоне COVID-госпиталя, спрашивает врача: «Почему это случилось со мной? Почему я должен умереть?». С другой стороны, люди сидят в самоизоляции, охваченные катастрофизацией, или выбегают на улицу под «руководством» негации, угрозы и редукции самосохранения. Во всех этих случаях то, ради чего человек живет и что он готов выдержать, определяется из его способа жизни, то есть из его выбора, как жить — так или иначе.

В завершение необходимо уточнить, что в любом смыслообразовании необходимо различать смысловые образования и смысловую работу, в которой эти образования производятся. Образно говоря, личность, субъект, конкретный человек предстает как фабрика по производству смыслов, субъектности, предметности, тревоги, паники, неопределенности, переживания неблагополучия, уныния, апатии, растерянности или, напротив, радости, удовольствия, счастья, переживания благополучия. Эта фабрика по производству психических феноменов и является производителем и феномена катастрофизации опыта и противоположного феномена — негации опыта, его отклонения, отрицания, игнорирования, редукции, и диалектического, реалистического модуса переживания опыта в процессах оптимизации, пластичной мобилизации.

Мы должны помнить, что экстремальная ситуация, или повседневная реальность человека, кроме своей негативной стороны имеет и обратную, позитивную — в их диалектике мы должны стремиться понимать и строить свою уникальную человеческую ситуацию. Поэтому экстремальная ситуация — это не только ситуация страдания и расстройств, но и ситуация стойкости, мужества, просветления и роста личности, требующая работы над собой и другим.

А.И. Донцов. Мне хотелось бы немного конкретнее остановиться на тезисе, с которого начал Мадрудин Шамсудинович — о том, что теория на сегодняшний день проходит испытание пандемией, или катастрофой. Для меня испытание теории реальностью, спровоцированной данной катастрофой — это, прежде всего, испытание исходных положений этой теории об интерпретации природы человека. С моей точки зрения, таких положений или, точнее сказать, сфер, которые сейчас активно подвергаются испытанию, три.

Первая сфера — это почти напрочь забытая культурно-исторической теорией биологическая природа человека. На мой взгляд, животная природа человека во всем многообразии своих проявлений, а также интерпретация и понимание того, что человек это не только то, о чем он мечтает, но и тот организм, которым он

Культурно-деятельностная психология в экстремальной ситуации: вызов пандемии

**ЭКСТРЕ-
МАЛЬНАЯ
СИТУАЦИЯ**

обладает — приводит к необходимости уделить особое внимание организмической, природной, биологической, антропологической составляющей нас как Homo Sapiens. Развивая данную тему, можно также подчеркнуть, что существует не только понятие деятельности, но и понятие жизнедеятельности. Ведь когда мы говорим о деятельности, то все чаще имеем в виду некие свершения, некую активность, воодушевленную определенными перспективами. Мне представляется исключительно важным вспомнить, что наличие этих высших личностных, ценностных, смысловых пластов ни в коей мере не отменяет и не исключает необходимости анализа первичных потребностей, мотивов, инстинктов. Таким образом, первый вызов теории, с моей точки зрения — это необходимость вспомнить, что человек представляет собой не только личность, но и организм.

Второй вызов теории — это вызов интерпретации существования человека в социуме, государстве, в социальных структурах, которое так или иначе постоянно предполагает необходимость тех или иных запретов, соблюдение определенных предписаний. Иными словами, это вызов, связанный с тем, как мы трактуем культуру в рамках культурно-исторической психологии. Мне представляется, что трактовка культуры только как неких благодетелей, которыми ранее живущие одарили современников, несколько сужает диапазон интерпретации побудительных стимулов самой ситуации социализации человека.

Третий вызов, с моей точки зрения, связан с непосредственно психологическим планом. В рамках культурно-исторической психологии при интерпретации самой природы человека, следовало бы обратить внимание, что человек — это не просто существо, которое сосуществует с другими, но и существо, которое сосуществует с самим собой. И те разного рода риски, которые сейчас открылись человеку и обществу — это не просто ситуация опасений заболеть при контакте с другим человеком. Это ситуация опустошения, результирующая момент встречи с собой, которая произошла у наших современников. И это ситуация исследования того, каким образом то ли перспектива конечности существования, то ли перспектива хрупкости этого существования трансформирует внутренний мир человека.

Таким образом, на мой взгляд, испытание теории пандемией — это, в первую очередь, необходимость вспомнить организмическую природу человека и наладить контакт с биологией в интерпретации его природы. Кроме того, это необходимость вспомнить о том, что социальные структуры обладают не только побудительными, но и запретительными вариантами функционирования. И, наконец, это необходимость вспомнить, что человек

формируется не просто во взаимодействии с другими, но и во взаимодействии с самим собой. Спасибо, коллеги!

А.А. Гусейнов. Я хочу сделать буквально два замечания, в связи с выступлением Мадрудина Шамсудиновича и Александра Ивановича Донцова. Я думаю, что пандемия является большим вызовом для теории, и это очень правильная постановка вопроса. Докладчик упоминал понятие чрезвычайных, экстремальных ситуаций, аварий и т.д. Действительно, к такого рода ситуациям мы привыкли, и они рассматриваются как отклонения от привычного хода природных и социальных процессов именно как нечто чрезвычайное в существовании самой природы и самого общества. А вот ситуация с пандемией, в которой мы оказались, показывает, что понятие чрезвычайной ситуации, экстремальности нужно относить не только к природе и к обществу в целом, но также и к индивидуальной жизни человека. И даже, может быть, больше к индивидуальной жизни человека, которая наиболее подвержена стрессам, неожиданным поворотам. Это связано с тем, что человек — конечное существо, и его индивидуальная жизнь, и то, как будет складываться рисунок этой индивидуальной жизни, значительно менее прогнозируемо и менее закономерно, чем ход развития природы и общества.

Мадрудин Шамсудинович приводил высказывания А.Г. Дугина «бытие-к-смерти», но, действительно, человеческое бытие в индивидуальном его случае — это и есть бытие-к-смерти, и правильное отношение к жизни состоит в том, чтобы охватить эту жизнь в целом, именно включая ее конец. В этом смысле ситуация пандемии бросает вызовы тому, как мы понимаем человека в теории и в особенности, как мы это понимание реализуем в своем повседневном опыте. Это первое замечание.

Во-вторых, если я правильно понял, общая идея докладчика состоит в том, чтобы то, что условно можно назвать психологией личности, соединить, дополнить, развить, обогатить, каким-то образом именно соединить с культурно-исторической психологией, основной психологической традицией, которая развивалась в нашей стране. Я хорошо помню спецкурс А.Н. Леонтьева: он показывал, что идеальная психика — это то, что находится вовне, а не то, что заключено в нашем теле, имея в виду культурно-историческую обусловленность этой психологии. Ситуация с пандемией, как я понял идею докладчика, побуждает и обязывает нас обогатить понятия психологии, расширить психологию личности в тех случаях, когда речь идет о психологии стрессовых ситуаций. Теперь, конечно, такого подхода явно недостаточно, и здесь

Культурно-деятельностная психология в экстремальной ситуации: вызов пандемии

■ ■ ■ ■ ■ ■ ■ ■ ■ ■
ЭКСТРЕ-
МАЛЬНАЯ
СИТУАЦИЯ
■ ■ ■ ■ ■ ■ ■ ■ ■ ■

требуется именно культурно-историческая психология. Я этот вопрос могу затронуть в аспекте этики.

В этике всегда существовала и существует проблема, которая в обыденной речи звучит как соотношение эгоизма и альтруизма, забота человека о себе и о других, автономия и универсальность (если речь идет о нормативности). Словом, такая дилемма, когда отношение к себе и к другим, скажем, долг перед собой и долг перед другими, находятся в конфликте. Конечно, требуется какой-то другой подход, который бы снимал этот конфликт.

Вот задумайтесь, какова сейчас ситуация: от людей требуют, чтобы они находились дома, чтобы заботились о себе, чтобы держали дистанцию, по возможности вообще не встречались с другими людьми, и это рассматривается как форма выражения адекватного отношения человека к другим людям. Ведь когда люди говорят от имени общества, обычно призывают думать о Родине, о стране, и вдруг обращают свои речи к тому, чтобы люди думали о себе, заботились о своем здоровье, оберегали себя от контактов с другими... Мне кажется, это важный момент, и я согласен с тем заключением, которое делает докладчик. Здесь намечается переход от понимания «особости» человека к пониманию его бытийной укорененности. Здесь требуется анализ человека, исходя из того, что он принадлежит самому бытию, и это уже совсем другой подход, другой взгляд на мир: то есть мы правильно относимся к другим людям тогда, когда мы правильно относимся к себе. Вот основной теоретический вывод, который одновременно связан и с пониманием самой жизни в ее повседневном выражении.

Можно сделать такое заключение: подобно тому, как мы должны уберечь себя от этого коронавируса, чтобы он не попал в наш организм, точно так же есть какие-то вещи человеческие, социальные, культурные, от которых мы должны себя уберечь, столь же тщательно не допускать их в себя — в смысле уберечь свой жизненный опыт, свое индивидуальное ответственное существование от этих вещей. Именно этим мы оказываемся включенными в коммуникации, в общественную связь, и именно этим мы соответствуем тому, что в этике обычно обозначается понятиями «долга», «блага другого» и т.д. и т.п. И тогда получается, что то, что именовалось всегда «эгоизмом», «своими интересами», и другое, что именовалось «благом другого», «альтруизмом», универсальностью и т.д. — не противоречат друг другу, а одно является продолжением другого, как бы исходным путем, чтобы наметить мостик к другому. Получается, что именно индивидуально ответственное существование в мире наиболее адекватно и наиболее полно соответствует как нашему социальному бытию, так и самой укорененности в бытии.

В общем, урок из этого таков, что мы единичны, случайны в своем появлении на этой земле, случайны в своем возможном уходе, но какими-то более глубокими вещами мы связаны с жизнью, с бытием в их целостности. Если действительно один вирус, порожденный каким-то одним человеком, может поставить под угрозу жизнь всего человечества, то трудно представить более убедительную аргументацию и того, что индивидуальная жизнь человека является непосредственным выражением его общественного, коллективного, биологического существования. Психология, особенно отечественная психология, всегда была связана с философией, но ошибочно думать, будто философы могут наравне с вами участвовать в ваших дискуссиях. У вас свой предмет, свои слова, своя правда...

А.Г. Асмолов. Дорогие коллеги! Последние несколько недель, как справедливо сказал профессор Магомед-Эминов, мы все время находимся в разных ролях. У нас много воплощений, и нормальное для психолога и далекое для психиатра — многояйность. Мы одновременно и наблюдатели, и спасатели, клиенты, пациенты, психологи, социологи, антропологи, эксперты, и каждый раз в этой ситуации многозначных выборов мы пытаемся так или иначе решить дилеммы.

Сегодняшний семинар проходит под символом «Мы вместе с вами в поисках смысла». И в прозвучавших выступлениях были поставлены очень важные вопросы. Мы оказались лицом к лицу с вызовами непредсказуемости, неопределенности, сложности и разнообразия. В этой ситуации необходимо в контексте оптики культурно-деятельностного подхода отрефлексировать следующие вещи. Великая формула, звучащая у Ф. Ницше и более емко у В. Франкла: «Если знаешь ради чего, то можно вынести, выдержать любое», — относится как к управлению и к жизни человека в условиях временной изоляции, так и к тому, какие меры принимаются различными правительствами. Сегодня, если угодно, управленческая логотерапия и логотерапия поиска смысла организаций, оказавшихся в ситуации хаоса, экзистенциальная терапия и психологическая помощь — это главная наша задача. Поэтому, занимаясь психологической экспертизой управленческих решений на разных уровнях, мы должны четко понимать, что любые принимаемые меры являются жесткими до тех пор, пока они не понимаемые меры. Это очевидная вещь.

Второе: мы должны четко понять, что один из ключевых рисков сегодня — это риск, описанный в свое время Николаем Бернштейном в статье «Смерть от страха ожидания смерти». Смерть от страха ожидания смерти — самоприговор, который

Культурно-деятельностная психология в экстремальной ситуации: вызов пандемии

ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ

доходит до огромного каскадного алармизма, в котором оказываются разные страны, цивилизации. Поэтому в течение последних двух недель мы ведем группу, которая называется «Группа кросс-культурного мониторинга образов инфодемии и пандемии в различных странах», анализируя культурные практики и стратегии, культурные способы совладания с пандемией и инфодемией в разных странах.

Есть общие культурные практики и есть различные. Мы всячески хотим подчеркнуть, что на уровне принятия решений государств мы все время между Сциллой алармизма, с одной стороны и, простите, Харибдой пофигизма, с другой. И на уровне государств мы сталкиваемся либо со стратегией поведения, которую можно назвать «Vigilance», бдительность и понимание различия и разнообразия, либо со стратегией поведения страуса, когда мы, пугаясь алармизма, затягиваем принятие решений.

В выступлениях Н. Хомского, Ю.Н. Харари и других аналитиков и экспертов, четко показывается, что на смену ключевой для человечества парадигме конфликта, которой мы меряли оптику жизни, ориентируясь на великих конфликтологов — З. Фрейда, Ч. Дарвина и К. Маркса, приходит парадигма кооперации и взаимопомощи. И если мы говорим о конфликте, я хочу вспомнить работу Александра Ивановича Донцова (в 1978–1979 годах в «Психологическом журнале»), работы Б. Хасана, то мы должны интерпретировать и понять этот конфликт как конфликт возможностей, как продуктивный конфликт. Замечательная фраза Сенеки: «Не согласишься со мной хоть в чем-нибудь, чтоб нас было двое», — показывает, что, действительно, мы движемся в буквальном смысле в контексте интериоризации, от заботы о других, о чем говорил докладчик, к заботе о себе (вспоминая М. Фуко и других авторов).

Стратегия кооперации, взаимопомощи, понимания продуктивного конфликта в ситуации изолированности, карантина, когда мы даже самими терминами на планетарном уровне порождаем ятрогении, то есть заболевания, причиной которых являются фейки, и показываем, что пандемия и инфодемия неотличимы друг от друга.

В обсуждениях Борис Сергеевич Братусь сказал, что мы должны построить иную психологию, в которой могут судить и победителя. Мы должны построить аксиологическую, ценностную психологию, психологию смыслов, которая должна стать культурно-деятельностной практикой, помогающей человеку в ситуациях кризиса, в ситуациях не только потери жизни, но и потери смысла.

Мы четко понимаем, что идеи И. Пригожина о философии нестабильности показывают (докладчик через особую оптику это уже обсуждал), что сегодня даже малый сигнал может изменить

все движение системы. Пандемия и инфодемия — это тест на экзистенциальную, планетарную идентичность, особый экзистенциальный тест именно потому, что мы живем в иной социальной ситуации развития, это ситуация сетевого столетия. Сегодня мы все стали сетевыми людьми. И понимание сетевой идентичности, когда мы все связаны — особое понимание.

Я вспоминаю разработки, которые велись в области коллективистской идентификации, ценностно-ориентационного единства и групповой сплоченности. Я мог бы продолжить, перечисляя то, что делали вы, мои коллеги, в развитии этих идей солидаризации, которые сегодня становятся той призмой, той оптикой, через которую мы занимаемся своим культурно-деятельностным ремеслом.

И неслучайно сейчас Григорий Юдин нам подарил великолепное понятие «менеджмент доверия». В этой ситуации ксенофобские позиции, конспирологические концепции являются тем, что разъедает коммуникацию между людьми. В этой ситуации поголовная ксенофобия разделения на своих и чужих только увеличит диапазон распространения болезни.

Надо раз и навсегда понять: произошел ароморфоз, социально-эволюционный скачок, и если искать виновника этого скачка и говорить, виновна та или иная сторона, то или иное правительство, те или иные игроки — это абсурдная логика в этой ситуации. Единственный заговорщик, которого мы найдем, это наш самозаговор против эволюции и природы, нарушающий эволюционный баланс, смешивающий биологические виды. И когда Мадрудин Шамсудинович говорил о многоединстве биологических, антропологических предпосылок эволюционного ряда, мы четко должны понять, что это неразрывные вещи. Мы должны увидеть разные стратегии выхода из ситуации. Поиск вакцины, выигрыш за счет карантина времени преодоления кризиса, наконец, «переболевание» как появление коллективного иммунитета — вот шаги, которые необходимо сделать.

Психология превращается и в исследование, и в ремесло в практике поддержки разнообразия. Появилось иное время, время иной жизни, той, в которой действует диктатура прошлого опыта, в котором мы все были в эффекте колеи, его уже больше не будет. В этой новой трансформированной реальности именно поиск сообща стратегии выхода, поиск смысла — солидаризирующая задача, которая поможет нам понять, что наша наука развивается не по отраслям, а по проблемам, что наша наука исходно является трансдисциплинарной и широким культурно-антропологическим проектом, где вместе и Л.С. Выготский, и П.А. Кропоткин, и В.И. Вернадский, и В. Франкл.

Культурно-деятельностная психология в экстремальной ситуации: вызов пандемии

ЭКСТРЕ- МАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ

Сейчас у нас одна проблема — это проблема помощи другим людям, забота о них и провести великую интериоризацию через заботу о других к заботе о самих себе, о чем так ярко говорил докладчик. Здесь нет дилеммы, нет оппозиции. Замечательные слова К. Леви-Стросса: «Двадцать первый век будет веком гуманитарных наук или его вообще не будет», — увы, почти могут сбыться. Три года назад социологи показали, что в разных странах первое место среди фобий занял не страх смерти, а страх потери смысла жизни. Чтобы победить страх смерти, чтобы не приговорить людей, которые остаются в одиночестве, к тому, чтобы оказаться рабами ожидания смерти, мы должны еще и еще раз сказать — необходимы ценности, смыслы, ценностная, аксиологическая, этическая психология, которая показывает горизонты, расширяет перспективы, дает возможности кооперации.

Сегодня мы имеем дело с массовым профессиональным героизмом, незаметным трудом многих, кто на сигналы пандемии и инфодемии отвечает культурными практиками, культурными действиями поддержки разнообразия. Сегодня возникают уникальные объединения, которые помогают, прежде всего, «быть многим», а не «иметь многое».

В этой культурной, ценностной, деятельностной перспективе развития нас в экзистенциальной ситуации, в которой мы с вами оказались, многие психологические концепции, подходы, практики проходят проверку на главное — являются ли они тем ремеслом, которое поможет людям увидеть будущее. И даже в ситуации, когда смерть смотрит в глаза, взять и развернуть смерть, чтоб она не пришла в дом и ослепляющим фонарем страха не выжгла то, что даже пандемия выжигает не так сильно.

Я еще раз хочу подчеркнуть, что инфодемия и пандемия показывают культурно-деятельностный характер, семиотический характер любого явления на планете Земля. И когда Юрий Михайлович Лотман говорил, что человек начинается с непредсказуемости, что именно непредсказуемость — мастерская развития человечества, сегодня, здесь и теперь мы это чувствуем и видим.

Спасение человечества начинается с поддержки значимых других. Вспомним замечательную конструкцию Г. Салливена, когда мы видим, что мир превращается вокруг не в мир врагов, а в мир значимых других. Тогда мы прорываемся через любые кризисы и понимаем что есть перспектива, что человечество вступило в новый мир, прошлой реальности уже никогда не будет. Но и в этой реальности, благодаря нашей преадаптивности, мультипотенциальности, уникальным резервным возможностям, они будут открыты через культурно-деятельностную оптику.

Каждый день убеждаюсь в том, что прав был Алексей Николаевич Леонтьев, когда говорил, что психология личности — это психология драматическая, и суть этой драмы — расчеловечивание, и что сделать, чтобы не предать себя. Отсюда следует логика жизненного пути как история отклоненных альтернатив, движения, когда мы пытаемся изменить себя, не изменяя себе — это и сегодня экзистенциальная проверка психолога, это сегодня для него экзистенциальный тест. Вот тут применима и логика развития школы Л.С. Выготского, ее ключевые моменты, ключевые риски, в которых мы с вами оказываемся, и также зависимость каждой личности от образов в культуре, в которой она существует, с которой мы имеем дело. Если мы знаем, зачем, то мы вместе пытаемся найти культурные практики развития, понять, как мы можем выходить из этой ситуации.

Б.С. Братусь. Мы через тернии пробиваемся не к звездам, а к тому, чтобы друг друга увидеть и услышать. Мне кажется, что уже прозвучало много замечательных мыслей и целая концепция, ярко, важно, и актуально. Поэтому я попробую предложить к обсуждению лишь некоторый аспект, который сегодня уже звучал, и очень во мне отозвался.

Замечания Александра Ивановича Донцова и Мадрудина Шамсудиновича о том, что происходящее сейчас — это испытание наших теорий, наших воззрений самого разного толка: и экономических, и философских, и психологических, для нас чрезвычайно важно. У Л.Н. Толстого есть мысль, что мелкие несчастья выводят нас из себя, а большие несчастья возвращают нас себе. Посмотрите на уже совершенно замотанное современное общество, с его бесконечными претензиями, недовольствами, попытками улучшения. Посмотрите на глубоко озабоченные лица людей... И вдруг кто-то что-то съел, крокодилы, летучая мышь... Прошел всего лишь месяц, даже меньше — и мир изменился, он закрылся.

Сегодня прекрасно прозвучала мысль докладчика о перевернутой пирамиде А. Маслоу — ведь она действительно перевернулась. Наш великий учитель А.Н. Леонтьев однажды нарисовал не пирамиду А. Маслоу, а «зубчатую гору» наших мотивов, где верхний мотив упирается в небо наподобие Эвереста или Эльбруса, а у подножья располагаются мотивы, которые нам нужны — поесть, встретиться с кем-то и т.д. Потом он стрелочкой показал, что эта гора переворачивается и стоит на главном мотиве — то есть, на самом деле, мы на него опираемся, и он главный. Пирамида А. Маслоу выглядит таким образом, что надо хорошо покушать, тепленько сесть и т.д., чтобы тебе все радовались, и было хорошее отношение — тогда появится смысл и мотив саморазвития.

Культурно-деятельностная психология в экстремальной ситуации: вызов пандемии

■■■■■■■■■■■
**ЭКСТРЕ-
МАЛЬНАЯ
СИТУАЦИЯ**
■■■■■■■■■■■

Но это не так. Да, очень хорошо, когда сухо, тепло, вкусно, но это не входит в некий замысел, ради которого стоит быть и жить — вот то, что Александр Григорьевич прекрасно обосновывал, как и все остальные.

Можно вытерпеть все, что угодно, если знаешь, зачем это делать. Вот этот маленький, далекий, брошенный на небо мотив и брошенный на небо смысл, оказывается центральным и опорным — именно на нем человек держится, как на гвоздике. И только когда этот гвоздик вынимается, мы обнаруживаем крушение, сложности, которые связываем с нашей вдруг обнаруживающейся беспомощностью, не говоря уже о том, что то, что мы обнаруживаем ценность происходящего, как человек, который сломал ногу, и думает о том, какое счастье выйти из подъезда по ступенькам, играя ногами, прыгнуть.... Мы начинаем видеть мир в другом свете — возможно, это слишком жесткий эксперимент, но не мне одному приходит в голову мысль, что происходящее санирует реальность.

В этой реальности мы начали обретать себя, мы повернулись к себе. В замечательных выступлениях моих коллег уже говорилось, что происходящее — это, если не подарок, то урок судьбы, испытания, которые мы должны пройти и из-за которых мы должны стать другими.

Сейчас все мечтают о том, чтобы просто справиться с этим жутким гадом, и начать жить по-прежнему: ходить в кафе, заказывать суши и т.д. Но я думаю, что это не так, и это касается, в частности, нашей психологии, условно говоря, «психологии до коронавируса»: гигантские успехи, упование на то, что мы обнаружим нечто в мозге, упование на искусственный интеллект, который, в конечном итоге, двоичен, в котором строится все на положении 0 и 1, и на этот 0 и 1 многие уповают разделить человека.

Докладчик говорил о том, что человек не делится на эти две единицы, и мы должны будем смотреть на человека немного по-другому. Обо всех этих вещах надо говорить и говорить совершенно по-новому. Я позволю себе просто развитие проблемы жизни и проблемы смерти. Смерть — это граница, которая определяет наше отношение к жизни. Но с этой теорией мы далеко не уйдем, так как если говорить о единичном, то каждый человек единичен, он один и никогда другого такого человека не будет. Никогда не будет другого человека именно с такой чудинкой, с таким выражением лица — он один во Вселенной! И если он один, то каждый из нас — вымирающий род, как саблезубый тигр. Он уйдет, и все — ничего не будет дальше, никакая книга не заметит нам наших учителей.

Но если это так, то наши личные проблемы становятся проблемой жизни человечества. Если мы одни, мы вымирающий вид, то этому саблезубому тигру надо жить по полной программе. Проблемы смерти — это проблемы смысла нашей жизни. Мы всю жизнь ищем смысл, неуничтожимый фактом смерти, потому что факт смерти уничтожает все, и человек с этим не может согласиться. Казалось бы, зачем эти высоты? Но тот самый вызов коронавируса нам показывает смысл...

В.А. Иванников. Сегодня у нас получился хороший, интересный и полезный разговор. Прежде всего, я хотел бы поблагодарить Мадрудина Шамсудиновича, который был инициатором нашего необычного собрания.

Хотелось бы отметить, что случившееся преподало нам несколько уроков, в том числе, уроков и для нас, психологов, и для политиков, и для управленцев, и для экономистов, и для биологов, и для медицинских работников.

Вот Александр Иванович Донцов уже начал говорить про организм — я тоже отмечу, что для нас это должно стать проблемой. Нам нужно, наконец, понять, что человек это не только личность, не только член общества, не только природный субъект деятельности. Человек — это организм и представитель вида *Homo Sapiens*. Специально подчеркну, что таким представителем является пара, способная производить потомство. И то, что происходит сейчас с этим вопросом в целом мире — на самом деле, очень и очень странно. Впрочем, это тоже для нас своего рода урок. Мы должны понять, что мы не только организм, но и многомерные существа, у которых на каждом уровне существует свой набор потребностей, свои задачи, которые необходимо решать. И не всегда они находятся в единстве, они часто конфликтуют.

Относительно следующей проблемы, на которую следует обратить внимание, я приведу пример того, что я увидел в Чернобыле, когда был руководителем программы «Дети Чернобыля». Меня тогда поразило как психолога следующее: страх людей, которые жили на чистых территориях, был в несколько раз выше, чем у людей, которые жили на загрязненных радиацией территориях. На «грязных» территориях находились люди, которые считали эту проблему ерундой. Итак, еще Чернобыль подсказал нам, что мы вообще-то являемся, не в последнюю очередь, организмом, но и тогда мы не обратили на это внимания и продолжали жить, как жили.

Сегодня у нас идет борьба с микроорганизмами, но мы живем не только в этой среде — мы живем в физической среде, в химической среде. Излучение, радиация — все это отражается на нас как

Культурно-деятельностная психология в экстремальной ситуации: вызов пандемии

■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■
ЭКСТРЕ-
МАЛЬНАЯ
СИТУАЦИЯ
 ■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■

на организме и представляет собой задачу, которую мы не решили. Мы были, как говорил М. Жванецкий: «Видели, поможем, на войне подвиг совершим». Но ведь именно здесь и сейчас совершаются подвиги, как на войне. Борьба с вирусом — это не биологическая борьба, это борьба социальными способами, человечество борется как социальная организация. Оказывается, что вместо того, чтобы сказать: «Я отработал 8 часов и пошел домой», — врачи по 14–15 часов сидят в больницах, жертвуя своими интересами, и интересами своих близких. Почему вдруг появилась такая воля? Ради чего? Есть это «ради чего» в них, в них это есть! В душе ли, в голове ли — в них это есть.

Мне хочется думать, что я сам решаю, а не моя психика, не моя душа и не мои потребности. А ведь я целостное существо — и личность, и социальное существо, и субъект общественных отношений, и субъект природных отношений, и организм. Вопросы нравственности и морали, оказывается, существуют, и люди ими владеют. Они не проявляются в обычных ситуациях, а в этой ситуации вдруг выявилось, сколько замечательных людей, которые для других готовы жертвовать своим здоровьем, своим временем и т.д.

Я полагаю, что нам необходимо вернуться к проблемам воли, про которые мы забыли. И к проблемам эмоций, потому что наш страх, который больше реальной опасности — он непонятен, необычен, но мы про это молчим. И проблема нравственности для нас, как оказалось, не просто слова, а знаки других людей, которых нет рядом с нами, но мы про них думаем. Вопросы мотивации — почему человек ведет себя именно так — они не абстрактные, они очень конкретные. Поэтому я считаю наше заседание очень важным и интересным, и мы обязательно должны вынести для себя уроки из того, что произошло. Спасибо всем, и тем, кто говорил, и тем, кто слушал, несмотря на трудности, в том числе, технические!

М.Ш. Магомед-Эминов. Большое спасибо! В завершение нашей уникальной, на мой взгляд, встречи выражаю благодарность всем участникам сегодняшнего обсуждения. Удивительно то, что состоялась встреча такого высокого научного уровня и стиля в виртуальном пространстве. Тут самоизоляция нам даже помогла, вырвав нас из метафизического карантина, внутреннего общения с собой в пространство Другого, преодолевая социальное дистанцирование.

Одной из центральных сквозных тем был, насколько я понимаю, вызов пониманию человека в научной рациональности, брошенный нам пандемией COVID-19. В этом вызове особо звучала тема индивидуального, конкретного, отдельного человека —

действительного живого индивида, который и в психологии, и в социально-гуманитарных дисциплинах нивелируется до единичности, сингулярности, не подвергающихся научному пониманию.

Другой важный урок пандемии — психология, находясь во власти идеи социально-культурного воплощения человека, используя свои ударные, подъемные категории (субъект, личность, самость), лишала человека телесной воплощенности. Телесная воплощенность оказалась условием разных воплощенностей многомерного человека, и на передний план общественной жизни вышло понимание безусловной ценности единичной человеческой жизни.

Еще один урок переключается с воплощенностью — на этот раз, социальной воплощенностью человека. На биологический вызов SARS-CoV-2 иммунной системе отдельного человека и самому человеку срочно и неотложно включилась помогающая деятельность, помогающая практика, помогающая медицина и другие службы, осуществляющие социальную поддержку. В этой социальной практике конкретный человек стал открываться во множестве своих ипостасей — антропогенности и социогенности, душевного и телесного в различных конкретных отношениях (экономических, политических, культурных, религиозных, этнических, техногенных и т.д.).

Особое значение, на мой взгляд, имеют новые отношения, в которые пандемия поставила индивидуального человека и общество, локальное и глобальное. Практика социального дистанцирования как основного инструмента борьбы с коронавирусом при отсутствии вакцины и специфической антивирусной терапии, требует ответственного, сознательного поведения отдельного человека. Но отдельный человек открывается в реляции многообразия отношений с другими людьми в солидарности общей судьбы.

Значение единичного события в своем отношении к глобальным явлениям и общему, общественному по-разному звучало сегодня. Этот вопрос многие подчеркивали, ибо именно единичные события делают возможным нашу работу, работу нашей души, спасения и сохранения нашей жизни, и открывается возможность взаимодействия с другими единичностями. В своей единичности мы входим в связь с общим, универсальным, как говорится устами богословов в вопросе о единстве и многообразии: «и неслиянно, и нераздельно». И в этом пространстве мы можем строить взаимопонимание.

Обычно человека делят на биологическую, социальную и психологическую части. Определяется субъект природы, субъект общества или отношений, а вот субъект психологический — он под знаком вопроса. Его пытаются определить, и все упирается в гомункулуса или «чистого» субъекта. Даже когда генезис и

Культурно-деятельностная психология в экстремальной ситуации: вызов пандемии

развитие психического рассматривается в понятиях внешнего и внутреннего общения (квазисоциальности), внешней и внутренней деятельности, все время под вопросом оказывается сам человек, об исчезновении которого говорил Л.С. Выготский.

Естественно, чтобы иметь дело с самим человеком, надо вывести его из завала большой истории и увидеть в индивидуальной жизни, которая подвержена душевным и физическим потрясениям перманентно и без всяких мировых пандемий. Оказалось, что от этого отдельного индивида зависит не только собственное благополучие, но и благополучие больших миров. Индивидуальный человек оказался и пациентом (страдающим, беспомощным больным), и агенсом, который может не только спасти, но и навредить, осуществляя свое право и свободу.

Маска, которую изучали в психологии, как односторонне направленную от личности наружу, оказывается двуликой, даже многоликой. Маска не только защищает меня от другого, но и другого от меня.

Психологи особо ценят работу с переживаниями в критических, экстремальных ситуациях — переживания стресса, травмы, неопределенности и т.д. Пандемия показала, что психология должна учитывать: человек не только переживает, но и проживает и делает нечто. Оказалось, что надо учиться не общаться, а дистанцироваться; что не только паника, но и отрицание угрозы имеют свою особую динамику, которая не определяется стадийной последовательностью. Они действуют синхронно и в мультипсихических констелляциях.

Был дан призыв овладеть цифровой реальностью и виртуальной работой. Самоизоляция забросила и школьников, и студентов, и всех остальных в онлайн-работу («удаленку»). Возникает вопрос, не откажется ли человек от живого, реального взаимодействия, окончательно «привязавшись» к цифровой работе. Мы видим преимущества, которые нам дает онлайн-работа, но видны и недостатки, которые невозможно исправить. Поэтому вряд ли люди откажутся от живой реальности. Самоизоляция и социальное дистанцирование не исключают социальную коммуникацию, которая в этих условиях сдвигается к цифровому опосредствованию дистантного взаимодействия. Большое спасибо всем! До следующих встреч в разных реальностях!

Cultural-historical Activity Psychology in Extreme Situation: the Pandemic Challenge. Discussion

Proceedings of joint session of two research seminars «Cultural-activity psychology» and «Time. Subject. Consciousness. Activity»,

Faculty of Psychology, Moscow Lomonosov State University, April 6, 2020

Alexander G. Asmolov (scientific moderator of the seminar).

DSc in Psychology, member of the Russian Academy of Education, head of the Department of Psychology of Personality, Faculty of Psychology. Director of School of Anthropology of Future, Ranepa.

Lomonosov Moscow State University.

11, b. 9, Mokhovaya str., Moscow 125009, Russian Federation.

E-mail: agas@mail.ru

Vyacheslav A. Ivannikov (Chairman of the seminar).

DSc in Psychology, member of the Russian Academy of Education, Professor of Department of Psychology of Personality, Faculty of psychology.

Lomonosov Moscow state University.

11, b. 9, Mokhovaya str., Moscow 125009, Russian Federation

E-mail: vaiv@mail.ru

Madrudin Sh. Magomed-Eminov (speaker).

DSc in Psychology. Head of the Department of Psychological Help and Resocialization, Faculty of psychology.

Lomonosov Moscow State University.

11, b. 9, Mokhovaya str., Moscow 125009, Russian Federation.

E-mail: m_sh_m@mail.ru

Abdusalam A. Guseinov

DSc in Philosophy, Member of the Russian Academy of Sciences, Scientific Supervisor of the RAS Institute of Philosophy.

RAS Institute of Philosophy.

12/1, Goncharnaya str., Moscow 109240, Russian Federation.

E-mail: guseynovck@mail.ru.

Alexander I. Dontsov

DSc in Psychology, Member of the Russian Academy of Education, Professor of Department of Social Psychology, Faculty of psychology.

Lomonosov Moscow State University.

11, b. 9, Mokhovaya str., Moscow 125009, Russian Federation.

E-mail: a.dontsov@mail.ru

Boris S. Bratus

DSc in Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Member of Academy of Natural Sciences; Professor of Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Moscow State University.

Lomonosov Moscow State University.

11, b. 9, Mokhovaya str., Moscow 125009, Russian Federation.

E-mail: kop-msu@mail.ru

Культурно-деятель-
ностная психология
в экстремальной
ситуации: вызов
пандемии

**ЭКСТРЕ-
МАЛЬНАЯ
СИТУАЦИЯ**

Abstract. COVID-19 pandemic has challenged the person, the society, and the whole human civilization, and it also has challenged the human sciences. The discussion raises a fundamental problem: the collision between psychology and the need to rethink the understanding of a person. A person is considered in the transition from an abstract «psychological» individual to a real, concrete, living person in his bodily, organismic embodiment (or in the aspect of a natural biological subject). The question of expanding the cultural-historical understanding of a person through the prism of his individual history in mastering socio-historical experience is raised. The idea of a critical, emergency situation is introduced not only in the optics of society and nature in the whole or in abstract-hypothetical constructs, but also at the level of individual life of a person. The authors reflect an importance of considering the extreme situation of human existence in theoretical conceptions, not only as an applied problem. Negative interpretations of an extreme, emergency situation require conceptualization in terms of positivity — as a source of overcoming, solving life problems, development, and discovering, opening new experience. In addition, the concept of practice in psychology, which was mentioned by L. Vygotsky, also requires a radical revision. The practice of helping should be considered not only an applied branch in psychology, but in its fundamental, theoretical meaning, revealing psychological helping as the implementation of caring practice. The authors agree, that the existence of a person under the global threat of COVID-19 pandemic radically changes the interaction between a person and society. Global pandemic affects social practices to reveal a person in the context of new relation towards society. Public life is put «on pause» in order to protect a life of individual person. The phenomenon of death, that was previously subjected to theoretical repression in psychology, is now considered to be a part of human life. Meaning as the meaning of life has to be correlated with the meaning of death, which allows to reveal the existence of a person in the fullness of his life and being.

Key words: pandemic, cultural-activity psychology, extreme situation, psychology of specific living person, Life-Meaning, Death-meaning, the principle of taking care of Oneself and Others.

For citation: Cultural-historical activity psychology in extreme situation: the pandemic challenge // *Chelovek*. 2020. Vol. 31, N 4. P. 7–40. DOI: 10.31857/S023620070010929-8.